

УДК 82.7.73

**ОБРАЗ СВИЯЖСКА В КОНТЕКСТЕ МИФА О ДЕТСТВЕ
В ПОВЕСТИ В. АКСЁНОВА «СВИЯЖСК»***Т.Г. Прохорова***Аннотация**

В статье выявляется мифологический подтекст повести В. Аксёнова «Свияжск», определяются ключевые мифологемы, сквозные мотивы, связанные с образом Свияжска, исследуется, какова роль образа города в контексте мифа о детстве в данной повести.

Ключевые слова: В. Аксёнов; Л. Толстой; «городской текст»; город-миф; мифологемы спасения и воскресения; мотивы тоски, одиночества, обретения Бога и мира.

Казань и её окрестности – всё то, что связано с детскими воспоминаниями Василия Аксёнова, в его творчестве постепенно приобретает характер мифа. Именно на этом основании представляется возможным включить аксёновскую повесть «Свияжск» в так называемый «казанский» или «городской текст». В данном случае мы прежде всего опираемся на концепцию В.Н. Топорова, который первым употребил данный термин и дал ему обоснование в своём знаменитом труде о «Петербургском тексте» (см. [1]). Как известно, вначале учёный настаивал на его написании с прописной буквы, что должно было подчеркнуть уникальный характер явления, в котором запечатлелась «душа Петербурга», но постепенно, в том числе и по инициативе самого В. Топорова, от «Петербургского текста» стали «отпочковываться» другие – в первую очередь, разумеется, «московский», а за ним и целый ряд «провинциальных». Например, В. Абашев обосновал концепцию пермского локального текста русской культуры в своей книге «Пермь как текст: Пермь в русской культуре и литературе XX века» (см. [2]). Учёными Екатеринбурга активно разрабатывается понятие «уральский текст». В октябре 2011 г. в Воронежском государственном университете проводилась Региональная научная конференция «Воронежский текст русской культуры». Вопрос правомерности употребления термина «текст» по отношению к Казани и её окрестностям также весьма актуален.

Опираясь на исследования В.Н. Топорова и Ю.М. Лотмана (см. [3]), отметим, что город, если его рассматривать как текст, оказывается не обычным пространством, а городом-мифом, то есть это некая высшая реальность символическо-мифологической природы. Соответственно, с ней связан ряд устойчивых мифологем. Так, с Петербургом в русской культуре ассоциируются мифологемы смерти и воскресения, миф творения и гибели.

Попытаемся и мы в ходе анализа повести В. Аксёнова «Свияжск» выявить мифологический подтекст, ключевые мифологемы, сквозные мотивы, связанные

с образом Свияжска, исследовать принципы создания образа города, определить его роль в художественной структуре повести.

Поскольку это произведение В. Аксёнова, насколько нам известно, не являлось ещё объектом исследования, начнём с его представления. Повесть «Свияжск» была написана В. Аксёновым спустя год после его эмиграции в мае 1981 г. в Санта-Монике и была опубликована в журнале «Континент». На родине писателя она появилась лишь в 1990 г. в первом номере журнала «Аврора». Причём следует подчеркнуть, что писатель сам выбрал именно это произведение для публикации, когда узнал, что журнал собирается поместить интервью с ним и ждёт от него какую-либо вещь.

Исследователями творчества Аксёнова уже давно была отмечена значимость автобиографического дискурса в его произведениях. Он обнаруживает себя и там, где герой по своей профессии, по образу жизни, казалось бы, вовсе не близок автору. Именно с таким персонажем мы встречаемся и в повести «Свияжск». Это тренер баскетбольной сборной Шатковский, от лица которого и ведётся повествование. Целый ряд фактов из жизни героя позволяет увидеть переклички с семейной историей самого В. Аксёнова: семья Шатковского также жила в Казани, его родители также занимали высокое положение в обществе (отец – директор индустриального гиганта, мать, как и у Аксёнова, – «партийный журналист»), они представляли собой «идеальную коммунистическую пару», но в 30-е годы были репрессированы и отбывали заключение в лагере. После их ареста Шатковский воспитывался в семье тёти, но со временем свою связь с родными потерял, многие были, как он выражался, «повыбиты», да и многодетностью Шатковские не отличались.

Мы застаём героя в период душевного кризиса. Он сам определяет своё состояние так: «это называется “арзамасской тоской”, как у Льва Николаевича» (Св., с. 469). О толстовской предсмертной тоске в «Свияжске» упоминается дважды. Примечательно и то, что в интервью, которое Аксёнов дал в 1989 г. для журнала «Аврора», писатель тоже говорит о тоске, точнее, о своём глубоком разочаровании. В ответ на вопрос американской журналистки «Считаете ли Вы, что с Вами произошли тут какие-либо сугубо психологические перемены?» Аксёнов ответил:

«Я бы сказал, что у меня появилось некое чувство разочарования. Я не могу даже сказать сразу – в чём именно разочарование. Может быть, уже просто – возраст разочарований. Мне кажется, что я отчасти разочаровался в товариществе, в ощущении принадлежности к некоей плеяде. То, что было раньше – невосвратимо. Ощущение причастности к плеяде – да и сама эта плеяда – всё это невосвратимо. Это твоё прошлое – и всё. И всё это – размыто...» [4, с. 90].

Когда Аксёнов писал «Свияжск», для разочарований повода, казалось бы, не было. Напротив, начиная новую жизнь в Соединённых Штатах, писатель был полон надежд, тем не менее его герой испытывает чувства, близкие тем, о которых Аксёнов скажет спустя восемь лет. Шатковский тоже находится в «возрасте разочарований». Героя мучает одиночество, пустота мира, в котором он живёт, где нет «ни одного потаённого милого звука», «всё прошло, ничего не осталось...» (Св., с. 454). Но именно в тот момент, когда он «стал беспорядочно перебрасывать чёрные нечитаемые страницы» прошлого и буквально едва не

задохнулся от нахлынувшей тоски, перед ним «вдруг, как спасение... мелькнул краешек света: пионерский лагерь “Пустые Кваши” над Свягой», когда он лежал после футбола в траве, глядел на ранние звёзды над бором и почему-то думал «о фантастической Венеции», чувствуя «бесконечное благо, бесконечное чьё-то присутствие, ликование предстоящей жизни...» (Св., с. 454). Сразу обратим внимание на то, что эта картина одновременно конкретна и неконкретна, в ней словно связаны воедино неожиданно оживший сей миг и вечность – пионерский лагерь над Свягой, футбол и «краешек света», «фантастическая Венеция», «ранние звёзды», «предстоящая жизнь». По этому принципу будет построена и вся повесть, в которой тоже совмещаются сиюминутное и вечное. Именно благодаря постепенному прояснению плана вечности начинает проявляться мифологический подтекст.

Минутное воспоминание о детстве и чьё-то неожиданное участие, когда Шатковскому стало плохо в подземном переходе, вселили в него некоторую бодрость духа. Именно в этот момент в повести впервые возникает мифологема «спасение» в сочетании со словом «прана» (в йоге так называют жизненную силу, связанную с сердцем и с деятельностью тела), которое затем будет повторяться не раз. Герой вспоминает о некоем древнем манускрипте, который дал ему прочитать приятель, увлекающийся Востоком и эзотерическими теориями. В нём говорилось, что «все чудеса Христа не метафора, а реальность, ибо Ему свойствен был высший дар передачи праны» (Св., с. 455).

Итак, упоминания о Христе, затем – об индийском йоге Свами Кришнадевананда, «гласящем, что всякий должен ощущать постоянное присутствие Всемогущего, с которым соединяет тебя твоя бессмертная душа» (Св., с. 456–457), об «океане мировой энергии», частью которого ты являешься, о «священном слове ОМ», которое должно пульсировать в тебе, – всё это, странно совмещаясь, вливается в поток мыслей Шатковского о вечном, в его размышления о пране.

В духе традиций литературы шестидесятых Аксёнов формулирует основную идею публицистически открыто: «Учитесь передавать прану, усвойте, что, передавая прану другому, вы не тратите, а, наоборот, увеличиваете ваш собственный запас» (Св., с. 456). Герой «Свяжска» видит свою драму в том, что он утратил «прану». Если раньше он излучал её «могучие волны», команда заряжалась от них и выигрывала, то теперь от него исходят лишь «мути и тоска».

Воспоминания о детстве, вновь и вновь всплывающий в памяти Шатковского образ Свяжска, обретение чувства родства (в прямом и переносном смысле этого слова) образуют в повести мифологический сюжет спасения, духовного воскресения героя. Важно отметить, что образ Свяжска в этом сюжете неразрывно связан с мыслями о каком-то ином, далёком от суетности существовании. Несмотря на то что Свяжск впервые открылся Шатковскому полуразрушенным, память сохранила именно его светлый, едва ли не идеальный образ. В повести он неотделим от мифологии детства.

«Сейчас мне кажется, что я уже ощущал этот священный метроном там, у кромки бора в “Пустых Квашах”, когда лежал на спине в травах. Рядом на стебельке покачивалась очаровательная зелёная пушистая гусеница, в отдалении летела к Свяге очаровательная чайка, ветер прошёл по папоротникам, конечно же очаровательным, и не коснулся очаровательных анютиных глаз, темнела

минута за минутой, и звёзды промывались под невидимыми, но безусловными накатами какого-то *очарования*, и каждое движение этой волны полностью соответствовало тому, что происходило тогда во мне, поистине я ощущал себя малым заливом гигантского океана и радовался этой причастности. <...> Бог ли тогда прикасался ко мне, или просто молодое тело радовалось совершенству своих обменных процессов?» (курсив наш. – Т.П.) (Св., с. 457).

Обращение героя к детству подсознательно связано с его тоской по вере, поэтому мотив возвращения к Богу становится в повести определяющим. Вначале он материализуется в воспоминаниях Шатковского о няне Евфимии Пузырёвой, о её ночных молитвах. Когда-то ему, мальчику, которому едва исполнилось четыре года, было понятно это ночное таинство во спасение «дитяти», «родителей ея» и «рабы грешной». Но спустя годы религия стала казаться герою абсурдом: «Можно ли придумать более далёкую от веры профессию, чем советский баскетбольный тренер?» (Св., с. 459). И вот в жизни Шатковского наступает момент, когда он ощущает острую потребность в вере. Именно в связи с этим память и возвращает его к Свяжску.

Примечательно, что в воспоминаниях Шатковского неизменно всплывает «сказочный силуэт», «сказочное видение» города. Свяжск в повести неоднократно соотносится с градом Китежем. «В июльском мареве дрожал тёмно-синий силуэт, тесно сбившиеся и вместе устремлённые ввысь купола и колокольни» (Св., с. 466). Как заметил Ю.М. Лотман, «концентрическое положение города в семиотическом пространстве, как правило, связано с образом города на горе... Такой город выступает как посредник между землёй и небом... он имеет начало, но не имеет конца – это “вечный город”...» [3, с. 276–277]. Таким «вечным городом» для героя повести Аксёнова становится Свяжск. В этом смысле примечательно и его островное положение: замкнутость пространства подчёркивает его выделение из окружающего мира, противопоставленность ему.

Заметим, что реальный облик не мешает мифологизации города, скорее даже наоборот. Впервые Шатковский увидел Свяжск «в послевоенный убогий год», когда он высадился на остров вместе со своим пионерским отрядом во главе с начальником лагеря инвалидом войны Прахаренко и красавицей физручкой Лидией, похожей на «девушку с веслом» – гипсовую богиню Пустых Квашей. Картина, открывшаяся их взорам, была печальна: «колокольни полуразрушены, кресты погнуты и поломаны», «покосившиеся дома с выбитыми стёклами» пусты. «Как будто тут чума прошла» (Св., с. 460). Но детское сознание всё равно преображает реальность. Постепенно «пионерская фантазия стала оживать, в подвалах уже мнились детям склады оружия, может быть времён покорения Казани» (Св., с. 460).

Именно в Свяжске и произошло главное событие в духовной жизни героя. Среди всеобщей разрухи на острове сохранилась церквушка, «там теплились свечи, поблёскивала тусклая позолота алтаря; доносились старушечьи голоса, выводящие нечто загадочное для пионерских ушей “и ныне... и присно... и во-о-о-ве-ки-и...”» (Св., с. 462). Услышав слова священника «Мир всем вам», мальчик вдруг понял, что эти слова и его касаются, он почувствовал этот мир у себя в душе и впервые ощутил «нечто похожее на восторг», «свою общность, может быть, и полное единство с замшелыми свяжскими старушками, общую детскую

благодать под какой-то могущественной дланью» (Св., с. 463). Так в повести снова оживает толстовский мотив, но уже не предсмертной «арзамасской тоски», а «мира» в том ёмком и многозначном понимании этого слова, которое выражено и воплощено в знаменитом романе-эпопее. Прежде всего это мир в душе и чувство духовного единения, родства со всем окружающим.

По наблюдению Ю.М. Лотмана, «когда город относится к окружающему миру как храм, расположенный в центре города», он сам становится «идеализированной моделью вселенной. <...> Идеальное воплощение *своей* земли, он может одновременно выступать как прообраз небесного града и быть для окружающих земель святыней» [3, с. 276]. В повести Аксёнова в образе разорённого Свяжска, с одной стороны, отражается мир, утративший Бога, а с другой стороны, для героя он действительно выступает как прообраз града небесного и остаётся святыней.

Детский восторг первого приобщения к Богу, казалось бы, со временем был забыт Шатковским: «Как далеко это всё ушло, как глубоко утонуло!» (Св., с. 463). Но обратим внимание в данном контексте на слово «утонуло»: оно позволяет понять, что миф о граде Китеже (Свяжске) всё-таки продолжал жить в глубинах памяти Шатковского и тогда, когда ему казалось, что чувство, посетившее его, «мальчика... в свяжской церкви...» «невспоминаемо» (Св., с. 463).

Та давняя детская поездка обернулась для Шатковского ещё одним открытием, которое, в отличие от чувства, испытанного в церкви, запомнилось ему замечательно. Оно было связано с тайной взаимоотношений между мужчиной и женщиной. Мальчишки выследили Прахаренко и Лидию на берегу, среди высокой травы, и «стали свидетелями удивительного акта, просто-напросто озарившего» всё их пионерское лето (Св., с. 465).

Красота природы, первое приобщение к Богу, открытие таинства любви, красоты и власти женщины – всё это слилось для Шатковского воедино и запечатлелось в его сознании как некий синоним чуда жизни.

Постепенно образ Свяжска становится в повести всё более многозначным. По законам метонимии Аксёнов соотносит с ним представление о Боге в душе, о вере. Герою кажется, что «каждый ищет в своих глубинах какой-то свой маленький полуразрушенный Свяжск» (Св., с. 464). Психологическая драма героя как раз в том и состояла, что он утратил ощущение связи, то самое ощущение мира в душе, которое пробуждали в его сознании воспоминания о Свяжске.

Возрождение и одновременно спасение героя от тоски, от одиночества, восстановление родственных связей с миром, с Богом произошло благодаря неожиданному появлению в его московской квартире молодого человека, того самого, который проявил к нему участие в подземном переходе. Выяснилось, что он привёз Шатковскому письмо из Самары от неизвестной ему крёстной сестры. Она-то и открыла герою, что он был тайно от родителей крещён, и произошло это не где-нибудь, а в Свяжске. Шатковский пережил настоящее потрясение:

«Как это назвать – бурей любви, тоски, жалости, ликования – никак не назовёшь! Нечто настолько несомненное и единственное вдруг приоткрылось мне, и в этот момент раз и навсегда я осознал, что уверовал. Рыдания сотрясли меня, слезы текли ручьём, без остановки. <...> В этот момент он вдруг увидел

себя как бы со стороны и с огромного расстояния: маленькое тело, лежащее в кресле, вытянутые ноги, откинута голова, ладони на лице. Крещён! Крещён!» (Св., с. 474, 475).

В приведённой цитате обратим внимание на то, как благодаря трансформации пространства происходит совмещение двух разных точек зрения: взрослый человек видит себя маленьким, таким, каким он был, когда его крестили, и вновь переживает чудо крещения.

Теперь Шатковскому становится понятна та связь, которую он постоянно ощущал со Свяжском. Ему открылось, что его «детский восторг среди свияжского одичания прилетел не из пустоты, но через революции и войны от... крестного отца», он «ощутил жизнь его духа, его чистого детства в чистом и процветающем, сытом и спокойном богопослушном Свяжске» (Св., с. 477). Таким образом, миф о чистоте детства и миф о спасении, воскресении души органично сливаются друг с другом.

Но повесть на этом не заканчивается. В заключительной главе мы видим следствия того нравственного переворота, который произошёл в герое. Одновременно здесь же в двух заключительных микросюжетах вновь звучит мотив родства и единения. Первый из них связан с работой Шатковского. За несколько секунд до начала ответственного матча с практически непобедимой командой армейского клуба, которую болельщики прозвали «Танками», Шатковский вдруг перекрестился и перекрестил свою стартовую пятёрку. А дальше как по цепочке «мальчишки перекрестились в ответ, как будто для них это привычное дело. Вся скамейка перекрестилась вслед за ними. Перекрестились второй тренер, врач и массажист» (Св., с. 487). Это произвело настоящую «идеологическую панику», так как матч шёл в прямом эфире и миллионы советских телезрителей наблюдали это «крестное знамение баскетбольной команды высшей лиги» (Св., с. 488). Во время этого матча мальчишки Шатковского «заваливали “Танкам” один мяч за другим», а он сам чувствовал себя так, будто к нему всё «вернулось без всяких потерь – и жизнь, и любовь, и все ритмы баскетбола. Мы все божьи дети», – думал он. – «Мы все играем свою игру под его благословенным оком. Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу!» (Св., с. 488).

Во втором заключительном микросюжете неожиданно вновь оживают герои детских воспоминаний Шатковского – начальник лагеря Прахаренко и физручка Лидия. Когда тренер возвращался после матча домой, в метро он снова увидел себя как бы со стороны, «но уже не с огромного расстояния, а как бы просто с потолка вагона, из дальнего угла». На этого одинокого человека, сидящего в позе предельной усталости, ему было даже довольно приятно смотреть, вообще Шатковскому уже давно «не было так легко и просто» (Св., с. 489). Возможно, именно благодаря этому взгляду со стороны он неожиданно заметил буквально в метре от себя Лидию и Прахаренко. И теперь «эти два старых человека, соединившиеся когда-то в плавнях, в камышах... и вот прошедшие вместе всю жизнь», показались ему детьми. Мысленно Шатковский воскликнул: «Физручка и Прахарь, если бы вы знали, как я люблю ваши черты, просвечивающие сквозь деформированные лица» (Св., с. 491). И он снова «перенёсся к свияжскому сиянию» (Св., с. 491).

Весь этот заключительный фрагмент написан Аксёновым так, что граница между *было* и *не было*, между реальностью и миром воспоминаний героя размывается. Поэтому неудивительно, что, направляясь через переход к своему сорокаподъездному дому-гиганту, Шатковский снова видит Лидию и Прахarenко, которые поднимались по той же лестнице и направлялись к тому же дому. И когда эта пара приближалась к арке, Шатковский крикнул:

«— Лидия! <...> Товарищ начальник! Помните Свияжск?

Они застыли под аркой» (Св., с. 492).

Как это часто бывает у Аксёнова, финал повести открыт, вместо точки у него вопросительный знак. Шатковского ослепил фонарь и он не увидел, обернулись ли они, герои его детства; вообще неясно, были ли они или это просто отблеск всё того же «свияжского сияния».

Как следует из всего вышесказанного, образ Свияжска является в повести В. Аксёнова её идейным стержнем. Структура самого образа города динамична. Он постепенно раскрывается перед читателем, обнаруживая свою многозначность. Этому способствует ретроспективная композиция, позволяющая показать не реальное, а семиотическое пространство. Оно включается в миф о детстве, неразрывно связано с мифологемами спасения и воскресения, служит своеобразным воплощением мотива обретения Бога. Этот мотив, в свою очередь, дополняется и обогащается другими, родственными ему и связанными с многозначным понятием «мир» в толстовском смысле этого слова (мир в душе и единение, родство с миром). Таким образом, путь героя к спасению, к обретению веры становится одновременно и дорогой возвращения тех ценностей, которые были заложены в детстве: мира, родства, душевной чистоты.

Summary

T.G. Prokhorova. The Image of Sviyazhsk within the Context of the Childhood Myth in V. Aksyonov's Novelette "Sviyazhsk".

The article reveals the mythological subtext in V. Aksyonov's novelette "Sviyazhsk", defines the key mythologems and recurrent motifs connected with the image of Sviyazhsk, and studies the role of the image of the town within the context of "the childhood myth" in the novelette under study.

Key words: V. Aksyonov; Leo Tolstoy; "town text"; myth town; mythologems of salvation and resurrection; motifs of yearning, loneliness, and discovery of God and World.

Источники

Св. — Аксёнов В. Свияжск // Аксёнов В. Затоваренная бочкотара: Сб. — М.: Изографус; Эксмо, 2003. — С. 451–492.

Литература

1. *Топоров В.Н.* Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. — М.: Прогресс — Культура, 1995. — С. 259–367.
2. *Абашев В.В.* Пермь как текст: Пермь в русской культуре и литературе XX в. — Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2000. — 403 с.

3. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки рус. культуры, 1999. – 447 с.
4. *Аксёнов В.* «Взгляд на нас и на себя...»: [Интервью с Наташей Шарымовой] // Аврора. – 1990. – № 1. – С. 86–90.

Поступила в редакцию
01.09.11

Прохорова Татьяна Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX – XXI вв. и методики преподавания Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: tatprohorova@yandex.ru